

« Вержоловская группа » и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах

Хочется мне тут поделиться с читателями «Военной Были» своими критическими размышлениями о тех грубейших (с чисто военной точки зрения), ошибках и упущениях со стороны некоторых чинов высшего командования, которые не только допустили окружение и пленение нашего XX Арм. Корпуса в начале февраля 1915 г. в Августовских лесах, но даже, своими мероприятиями или образом действий, как бы способствовали тому, что эта печальная для нас катастрофа вообще могла произойти.

Мне кажется, что после долголетнего тщательного изучения вероятно всех существующих доступных источников обоих воевавших тогда сторон, а также будучи лично достаточно знакомым с местностью, в которой произошла тогда эта трагедия, я в праве подать, по этому вопросу, мой голос.

С самого начала войны в 1914 г. русская Императорская армия понесла на германском фронте целый ряд чрезвычайно крупных неудач, тяжело отразившихся не только на самой армии, но и на всей стране. Постигшая же ее новая неудача — гибель нашего XX Армейского Корпуса в Августовских лесах, в начале февраля 1915 г., — нанесла нашей армии, кроме того, еще и громаднейший моральный удар, так как показала, что наши неудачи на фронте возникают в значительной степени из-за полной несостоятельности высшего командного состава нашей армии, совершенно неподготовленного к войне и, даже, ничему ненаучившемуся после наших предыдущих поражений.

Действительно, теперь не было больше предлога для оправданий, что, уступая настойчивым требованиям союзников притти им на помощь, наши армии, не будучи еще готовыми, были двинуты в самом начале войны в, так печально кончившуюся для нас, восточно-прусскую авантюру. Если же дошло теперь до окружения и гибели почти что четырех дивизий, входивших тогда в состав XX Арм. Корпуса, то случилось это главным образом только благодаря непростительным, грубейшим ошибкам, граничащим с полнейшим невежеством в маневрировании войсками на войне со стороны главнокомандующего северо-западным фронтом ген. Рузского, отчасти также командующего нашей 10-ой армией ген. Сиверса и их ближайших помощников, а также некоторых других высших начальников из состава этой нашей армии. При наличии лучшего понима-

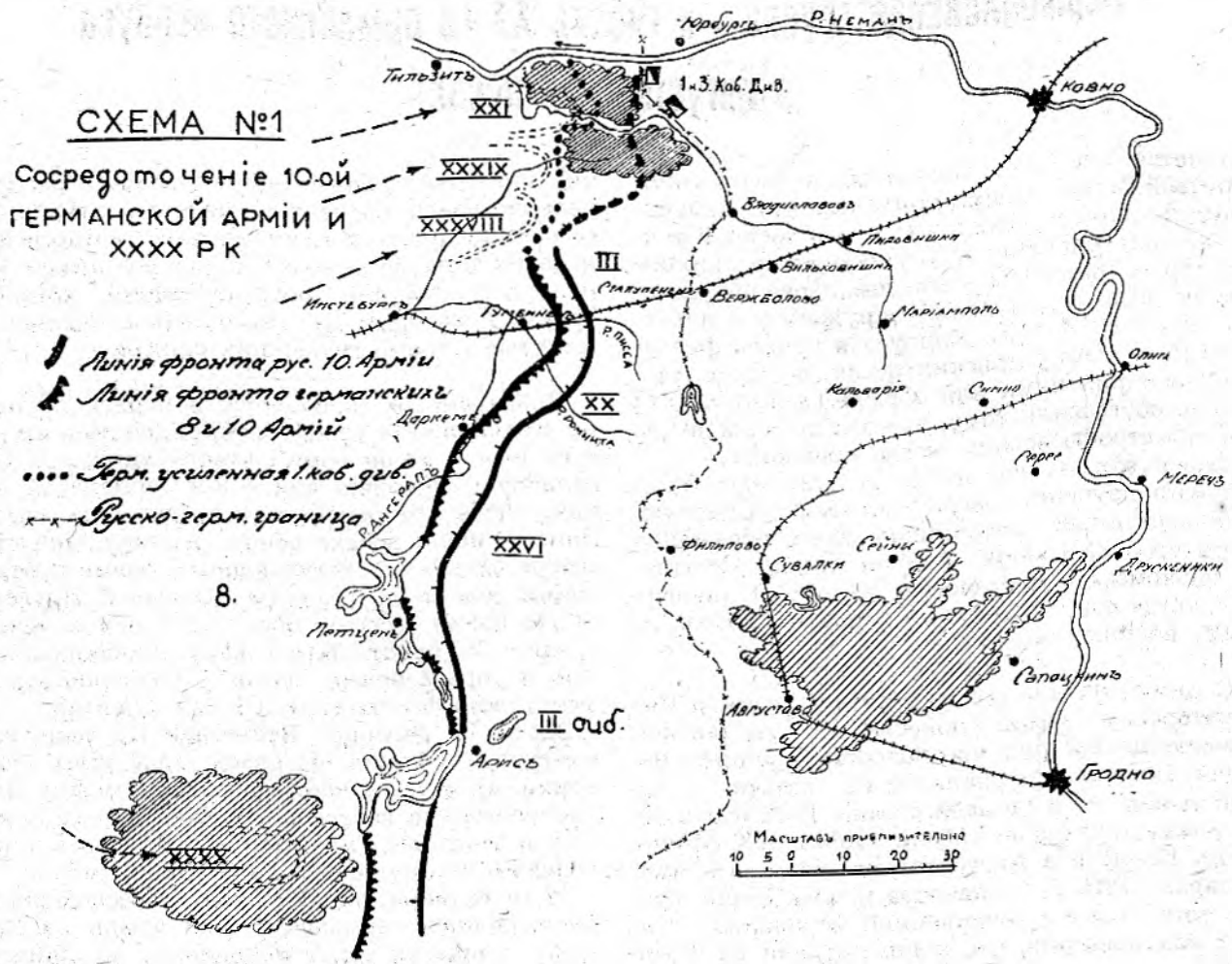
ния обстановки, более целесообразного распределения войск, более обдуманного и эластичного управления таковыми, до этой катастрофы дело никогда не дошло бы. Все это станет ясным читателю при рассматривании хотя бы только некоторых из совершенных вышеупомянутых лицами грубейших ошибок.

В результате, начавшегося в первой половине сентября 1914 г., вытеснения действиями наших 1-ой и 10-ой армий вторгнувшихся в Сувальскую губернию войск 8-й германской армии, часть которых доходила даже до самого Немана, наши войска обоих вышеупомянутых армий, следуя за отступающим с боями противником, дошли до границы Восточной Пруссии. В это время в состав обеих этих наших армий входило 27 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, которым немцы могли противопоставить всего лишь 9 пехотных и 1 кав. дивизии.

Здесь, на границе Восточной Пруссии, германская 8-я армия пыталась задержать наши армии, вследствие чего завязались, между Владиславовом на севере и Граевом на юге, упорные и тяжелые местные бои, с переменным успехом, затянувшиеся до конца сентября.

27-го сентября ген. Рузский, обеспокоенный наступлением германской 9-ой армии на Варшаву, приказал вдруг немедленно же приостановить все наши наступательные действия на восточно-прусском участке фронта. Тут, между прочим, интересно отметить, что этим своим приказанием ген. Рузский помешал довести до конца значительного успеха, достигнутого в те дни на самом левом фланге нашей 10-ой армии, которая серьезно угрожала в те дни тылу германской 8-ой армии. Дело в том, что к этому времени наш 1-ый Туркестанский корпус дошел до г. Лык, а наша 4-ая кавалерийская дивизия до г. Арис, зайдя таким образом глубоко за правый фланг этой германской армии.

Лучшим доказательством этого непростительного упущения, со стороны ген. Рузского, является то, что об этом сообщает германская официальная история войны (Рейхсархив «Война 1914-18», том 5-ый); «... следовало бы им (1 Турк. Арм. Корпусу и 4-ой кавал. дивизии) только продолжать свое продвижение на север, чтобы войти между незанятой нами тыловой озерной позицией (Мазурские озера) и нашим фронтом, выходя в тыл последнего. Такое их продвижение вперед, привлекая к этому

еще также и (находящийся поблизости) VI Армейский Корпус, иначе говоря, пятью дивизиями, не встретило бы с нашей стороны необходимого сопротивления (из-за недостатка резервов). Нерешительность же (и отсутствие правильной оценки обстановки) русского командования (ген. Рузского) спасло в эти тяжелые для нас дни нашу 8-ю армию от большого несчастья...» (в скобках разъяснения автора статьи).

Между тем, развитие операций в Польше заставило русское верховное командование последовательно забирать из состава 1-ой и 10-ой армий отдельные корпуса и дивизии, перебрасывая их туда. Однако, ввиду огромного численного превосходства наших сил, находящихся против германской 8-ой армии, уход этих корпусов и дивизий на дальнейшем развитии операций на этом участке фронта не отразился.

Наоборот, 20-го октября германская 8-ая армия начала свой отход на укрепленную позицию по линии Мазурских озер и реки Ангеррапп.

Ввиду же того, что русское верховное командование продолжало тревожиться за фронт в Польше, решено было оставить на восточно-прусском участке пока что как можно меньше войск, объединяя их управлением 10-й армии, перебрасывая в Польшу еще целый ряд корпусов и дивизий, а также и штаб 1-ой армии.

Следуя за отступающими немцами, наша 10-ая армия подошла вплотную к новой позиции, занятой германской 8-й армией. Этот отход немцев дал русским войскам возможность вторично войти в глубь Восточной Пруссии, на этот раз в среднем всего лишь только на 35-40 верст.

Теперь, против Ангеррапской позиции немцев, в нашей 10-й армии, растянувшейся на це-

лых 175 верст, оставалось всего лишь только 13 пехотных и 2 1/2 кавалерийских дивизий, против которых немцы, перебросив отсюда в Польшу также несколько дивизий имели всего лишь 6 пехотных (1 полевую, 1 резервную и 4 ладверных) и 1 кав. дивизий.

Зная слабость германской 8-ой армии, русское командование рассчитывало заставить немцев отойти от Ангеррапской позиции вглубь Восточной Пруссии. Однако, так как все наши попытки прорвать тут германский фронт положительных результатов не дали, ген. Рузский решил отложить эти атаки до позднейшего времени, когда удастся сочетать действия нашей 10-ой армии с таковыми 12-й, которая должна была начать свое формирование в северной Польше.

Тут интересно отметить, что ген. Рузский задумал повторить операцию начала войны — так печально тогда окончившееся вторжение наших 1-й и 2-й армий в Восточн. Пруссию, — с той только разницей, что теперь условия такой операции были бы еще менее благоприятны для него, чем тогда. Повидимому, ни он, ни его правая рука — генерал-квартирмейстер, печальной памяти Бонч-Бруевич, не были способны выдумать какую либо иную, новую комбинацию для нанесения немцам удара. Они судорожно хватались за уже готовый, выработанный задолго перед войной Главным Управлением Генерального Штаба, план вторжения в Вост. Пруссию. Факт же, что этот план оказался трудно осуществимым, мало их тревожил. Что вышло бы из такой попытки с негодными средствами? Над этим они не задумывались. Эта «idée fixe» бездарного военачальника красной нитью проходила через большинство его мероприятий во время надвигавшейся тогда новой катастрофы, на этот раз с нашей 10-ой армией, и парализовала, без того уже весьма ограниченный, его оперативное мышление.

Возвратимся теперь к событиям, предшествовавшим операции, закончившейся пленением нашего XX Арм. Корпуса и отходом 10-й армии за Неман и Бобр.

Как мы уже видели, к концу 1914 г. наш фронт против Вост. Пруссии был ослаблен более чем на половину его первоначального состава. Вытянувшись в длинную жидкую струнку, занимал он теперь, против Ангеррапской позиции германской 8-ой армии, непомерно длинный для своих сил участок. Причем, надо тут особенно подчеркнуть совершенно недопустимый с тактической точки зрения факт; оба фланга этой нашей 10-ой армии не только не были обеспечены, но опирались даже о занятиях, тогда еще только слабыми силами противника, огромные лесные пространства. Пока, эти леса можно было еще захватить без большого усилия и, занимая их, обеспечить таким обра-

зом фланги армии, — но абсолютно ничего не было сделано.

А после того как, в начале 1915 г., из состава этой нашей армии был изъят еще и XXII Арм. Корпус, переброшенный в Карпаты, в ее состав входило теперь всего лишь только 11 пех. (из них 6 второочередных) и 2 1/2 кав. дивизий. Принимая во внимание, что некомплект в личном составе пехотной дивизии составлял в то время в среднем 40 проц., то есть в 11 дивизиях было разом на фронте всего только 120.000 штыков, будет ясным, что этот 175-верстный участок фронта был нами весьма слабо занят. К этому необходимо еще добавить, что ни армия, ни корпуса не располагали абсолютно никакими резервами на всем этом широко растянутом фронте. Единственно, что предпринял командарм, для более удобного управления армией, на этом непомерно широком фронте, он поделил армию на группы. Правый фланг армии составляла так называемая «Вержболовская группа» — III Арм. Корп. генерала Еланчина, кадровые дивизии которого были заменены двумя второочередными — 56-й и 73-й, а также оставалось там еще несколько батальонов 27-й дивизии. Кроме того, этой группе временно был подчинен конный отряд ген. Леонтовича на самом крайнем правом фланге армии в составе частей 1-й и 3-й кав. дивизий. В центре расположения армии находилась группа XX Арм. Корп. ген. Булгакова в составе частей 27-й, 28-й, 29-й и 53-й пех. дивизий. Наконец, левый фланг армии составляла группа ген. Радкевича, командира III Сибирского Арм. Корп. Она состояла из XXVI А. К. и 57 пех. див.

Зная, что и состав, находящейся против этой нашей армии, германской 8-й, был в то время также слаб, наше командование совершенно не беспокоилось слабым составом нашей армии, а также ее опасным расположением, считая, что ее силы достаточны, чтобы противостоять этой немецкой армии. Но это наше командование, в своей близорукости, совершенно забывало, что за фронтом этой 8-й армии была широко развитая железно-дорожная сеть, позволявшая немцам в самый короткий срок сосредоточить против каждого участка нашей позиции подавляющие силы так, как они это сделали с нашей 2-й армией в начале войны. За нашим же фронтом, кроме магистрали Ковно-Вержболово-Инстербург, на правом фланге и однокольной, малопровозоспособной круговой линии: Гродно - Августово - Сувалки - Олита, не было ничего больше. Этим же нашим командованием совершенно недооценивалось и то обстоятельство, что, пользуясь лесными пространствами, на обоих флангах нашей 10-й армии противник имел возможность сосредоточить, незаметно для нас, крупные силы и именно оттуда произвести свой из-

любленный, уже столько раз проводимый им в жизнь от начала войны, маневр охвата и окружения обоих флангов.

Только уже во второй половине января 1915 г., когда начали доходить кой-какие неопределенные, еще не проверенные, слухи об усилении неприятеля на флангах нашей 10-й армии, ген. Рузский вдруг как бы спохватился и приказал командиру 10-й армии занять хотя бы только на правом фланге армии Лесдененские леса. Но это был с его стороны всего лишь только жест без всякого значения, так как необходимых для этого сил Рузский не предоставил. А так как командир 10-й армии ген. Сиверс не имел никаких резервов, ни армейских, ни корпусных, то силы, которые направил он к Ласдененским лесам, для этого растягивая еще больше уже без того жидкий фронт, были слишком слабы, чтобы быть в состоянии выполнить это задание. Кроме этой попытки с негодными средствами, ничего не было больше предпринято для занятия этих лесов.

Также мало тревожило наше легкомысленное командование и то обстоятельство, что именно на флангах армий, опирающихся в эти занятые противников лесные пространства, были расположены с нашей стороны только второчередные дивизии. Такое же расположение этих дивизий произошло опять таки благодаря необдуманному и неразумному педантизму главнокомандующего фронтом и командарма. Дело в том, что далеко в тылу за флангами нашей 10-й армии находились две крепости. А эти дивизии считались гарнизонами этих крепостей, как бы только данными взаймы командарму для усиления длиннейшего фронта армии. В 60 верстах за левым флангом находилась крепость Осовец, а 57-я пех. дивизия, расположенная на самом левом фланге, считалась гарнизоном этой крепости. Опять таки, в 100 верстах за правым флангом была крепость Ковно и ее гарнизон 56-я и 73-я пех. дивизии, объединенные управлением III-го Арм. Кор., составляли правый фланг армии. Эти фланговые дивизии должны были, в случае вызванного какими либо непредвиденными обстоятельствами отхода армии, **не взирая ни на что**, отходить в свои крепости.

Интересно остановиться на этом факте, таком характерном для нашего высшего командования. Во-первых, из этого распоряжения можно заключить, что штабы армии и фронта так прочно себя чувствовали в В. Пруссии, несмотря на все вышеуказанные слабости расположения нашей 10-й армии там, что не считались даже с возможностью нашего отхода оттуда. Если бы это не было так, не могли бы они дать такого совершенно абсурдного распоряжения. Ведь казалось бы, что именно в слу-

чае, вынужденного противником, отхода армии, командование последней должно было бы иметь полную и неограниченную какими либо предписаниями свыше свободу руководить отходом всех частей армии, в зависимости от складывающейся обстановки. Вышеупомянутое же распоряжение — фланговым дивизиям армии отходить в свои крепости — вперед уже парализовало управление армией и лишало ее командование возможности маневрирования и противодействия охватывающим движениям противника. Во-вторых, предписание фланговым дивизиям армии отходить именно только в свои крепости указывает совершенно определенно на то, что наше высшее командование даже не допускало мысли, что противник может попытаться из находящихся в его руках лесных пространств выйти во фланг и тыл нашей армии. Ведь если бы на флангах армии оказались боевые части, а не слабые второчередные, которые при первом же нажиме со стороны противника побежали, — части, которые оказали бы сопротивление дебуширующему из этих лесов противнику, то в случае вынужденного их отхода они и так не смогли бы больше отойти к своим крепостям, так как эти их пути отступления были бы уже прерваны противником. О правильности этого моего утверждения, в достаточной мере, свидетельствуют слова генерал-квартирмейстера фронта Бонч-Бруевича. Когда, наконец, очень обезпокоенный поступающими от войсковой разведки сведениями о появлении свежих германских частей в Ласдененских лесах, ген. Сиверс, командарм 10-й армии, обратился в штаб фронта, прося помочь ему свежими частями очистить от противника эти леса, просьба эта была оставлена совершенно без внимания. Когда же он обратился туда по прямому проводу, правая рука Рузского — Бонч-Бруевич — ответил ему: «немцы вряд-ли решатся на это». (Почему?). И вот именно эта фраза так ясно указывает нам, с одной стороны, на ни на чем необоснованную самоуверенность, которая царилла тогда в штабе фронта, с другой же — на легкомыслие, даже невежество, лиц, возглавлявших его (Рузский, Бонч-Бруевич и др.).

Также, повидимому, мало беспокоило наше высшее командование и то обстоятельство, что вытянутая в тонкую нитку на 175 верст наша 10-я армия не имела абсолютно никаких ни армейских, ни корпусных резервов.

Непонятным является и то, что, несмотря на колоссальные суммы, которые русское правительство выдавало ежегодно на тайную разведку в граничащих с Россией государствах, и, конечно, в первую очередь в Германии, оказывается, что с началом военных действий именно в этой стране таковой фактически не оказа-

лось. Вследствие этого, главным источником получаемых сведений о противнике была войсковая разведка, возможности и масштаб которой, как известно, очень ограничены. Иначе говоря, наши высшие штабы, как Ставка или штаб фронта, практически ничего не знали о том, что творится у противника. О всех важных передвижениях войск и о готовящихся противником новых ударах узнавали они всегда слишком поздно. Наоборот, немцы знали все, что творится у нас.

Все вышеперечисленные недостатки, оплошности, промахи и ошибки свыше, предreshали назревающую тут катастрофу. Однако, некоторые благоразумные решения и целесообразное маневрирование войсками в течение начавшегося уже наступления немцев могло бы еще предотвратить, по крайней мере, наихудшее.

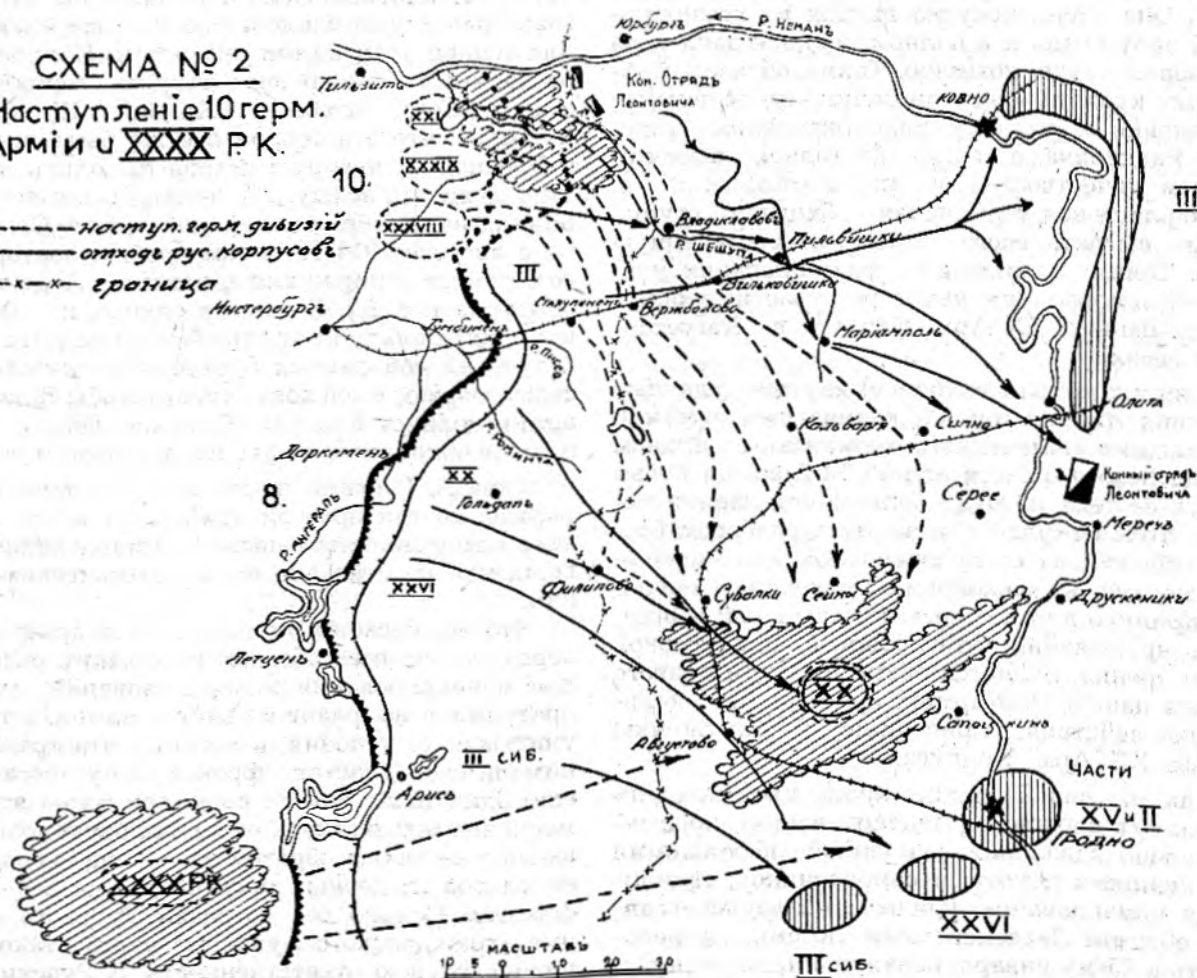
Каким образом реагировали на него главнокомандующий Северо-Западным фронтом и командующий армией — не известно. О начавшемся германском наступлении и что было ими

предпринято для спасения того, что еще можно было бы спасти, а также то, что в действительности произошло на этом участке русско-германского фронта в конце января и начале февраля 1915 года, это увидим мы ниже.

Учитывая эти вышеперечисленные, безграмотные с военной точки зрения, ошибки соответствующего русского высшего командования на восточно-прусском театре военных действий, а также будучи хорошо осведомленным о том, что происходит у нас, германское верховное командование решило усилить там свои войска четырьмя новыми корпусами. Причем, как и следовало этого ожидать, оно использовало в полной мере свою отлично развитую железнодорожную сеть, сосредоточив, совершенно для нас незаметно, эти свои 4 новых корпуса на флангах нашей 10-й армии именно в тех обширных лесных пространствах, на которые эти фланги опирались. Эти корпуса были направлены следующим образом: 40-й резервный корпус был высажен из вагонов в южной ча-

СХЕМА № 2 Наступление 10 герм. Армии и XXXX Р.К.

- наступ. герм. дивизий
- отход рус. корпусов
- x-x- граница

сти В. Пруссии и продвинут вперед в леса к юго-западу от Иоганисбурга, то есть против левого фланга нашей 10-й армии. Три же остальные: 21-й, 38-й рез. и 39-й рез., сведенные в новую 10-ю германскую армию, были густо сосредоточены в Ласдененских лесах и прилегающих к ним районах с юга, т. е. против правого фланга нашей армии.

Попытка немцев обойти левый фланг нашей 10-й армии успеха не имела. Это верно, что наша левофланговая 57-я дивизия неприятельского напора не выдержала и отошла к крепости Осовец. Но зато, в своем дальнейшем продвижении вперед, германские войска натолкнулись на один из лучших корпусов старой русской армии — на III-й сибирский. Этот корпус своими удачными действиями и стойкостью сибирских стрелков сделал быстрое продвижение германских войск вперед невозможным. Только в связи с дальнейшими событиями, происходившими на остальном участке нашей 10-й армии, группа ген. Радкевича, не взирая на абсурдные, не отвечающие обстановке, приказания свыше, должна была все же отходить. Она очень искусно вышла из грозившего ей окружения и в полном порядке заняла за р. Бобром новую позицию. Таким образом, благодаря правильному пониманию сложившейся обстановки и умелому маневрированию генерала Радкевича, а также благодаря высоким боевым качествам III-го сибирского корпуса, правофланговая германская обходная группа смогла сыграть всего лишь второстепенную роль. Только в конечной фазе операции удалось ей принять еще некоторое участие в окружении нашего XX Арм. Корпуса в Августовских лесах.

Ввиду того, что вышеупомянутые удачные действия группы ген. Радкевича не допустили достижения намеченного германским планом обхода левого фланга нашей 10-й армии и выхода в ее тыл, не буду больше останавливаться на этом ее фланге, а займусь разбором боевых событий на ее противоположном, правом фланге, где, к сожалению, развитие операции приняло для нас весьма плачевный оборот. Здесь чрезвычайно интересным, с оперативной точки зрения, является обход немцами правого фланга нашей 10-й армии, а также их дальнейшие действия, приведшие к окружению нашего XX Арм. Корпуса.

Как мы видели выше, кроме уже ваходившихся тут прежде германских частей, преимущественно кавалерии, усиленной небольшими соединениями пехоты и самокатчиков, германскому командованию удалось, пользуясь главным образом Ласдененскими лесами, сосредоточить к 25-му января, почти что незамеченный с нашей стороны, свой мощный обходной кулак

— их 10-ю армию, состоящую из линейного 21-го Арм. Корп., переброшенного сюда из Франции, и двух недавно сформированных, главным образом из добровольцев, 38-го и 39-го корпусов.

С русской же стороны на этом участке находились — на самом крайнем северном крыле армии, примыкая правым флангом к Неману, конный отряд ген. Леонтовича, в составе частей 1-й и 3-ей кавалерийский дивизий. Далее к югу, шли растянутые в тонкую струнку и перемешанные между собой отряды из частей второочередных 56-й и 73-ей пех. див., да еще несколько батальонов 27-й пех. див. Все это, как мы видели, объединенное управлением III-го Арм. Корпуса, составляло так называемую «Вержболовскую группу».

Начавшееся 25-го января наступление против левого фланга нашей 10-й армии и, установленное нашей войсковой разведкой, — присутствие в Ласдененских лесах целого ряда новых, незарегистрированных тут раньше, неприятельских частей, а также постоянный численный рост таковых должны были бы открыть глаза нашему командованию на назревающую для нашей 10-й армии опасность. Каждый образованный офицер знал теорию германского генерального штаба — «Канны» Шлиффена (полагаю, что эта теория все же была знакома и Рузскому), которую немцы пытались проводить в жизнь всюду, где только было возможно (как например, их операция против Самсонова в августе 1914 г., потом пробы повторения ее с армией Ренненкамфа, наконец, Лодзинская операция и т. д.). В данном случае, по наличным признакам, не трудно было догадаться, что и тут они собираются провести в жизнь эту свою теорию, а следовательно штабы фронта и армии должны были бы быть на чеку и принять необходимые меры предосторожности.

Однако, Рузский не хотел этого понять, вероятно, по той простой причине, что это, такое ясное намерение германского командования, совершенно не отвечало его стратегическим планам.

Что же касается командующего армией Сиверса, то, не имея абсолютно никаких резервов для маневрирования и парализования ударов противника во фланг и тыл его армии, а также учитывая те условия, в которых эта армия занимала свой участок фронта, ему оставался еще один шанс спасти свою армию — это медленно же оттянуть ее на тыловую позицию, выводя ее таким образом из — под грозящих ей ударов из лесных пространств на ее обоих флангах. Однако, без согласия Рузского, он не имел гражданского мужества взять такое решение на свою ответственность. А Рузский все еще не хотел понять действительного положе-

ния вещей. Все донесени из штаба 10-й армии о многочисленных признаках грозящей опасности с поразительным упрямством не хотел он принимать в серьез, считая, что немцы производят всего лишь только демонстрации. В результате этого своего убеждения, он приказал Сиверсу перейти всей армией в наступление.

Этот приказ особенно характерен для оценки Рузского, как полководца. Во-первых, вместо того, чтобы вывести армию из клещей, в которые попала она благодаря совершенно безграмотному, с тактической точки зрения, ее расположению, Рузский толкал ее этим своим приказом как бы в мешок, подготовляемый ей противником, и этим облегчал последнему ее окружение. Во-вторых, приказ этот был совершенно неосуществим по той простой причине, что армия была вытянута в длинную тонкую струнку и лишена была каких бы то ни было резервов. (Старая истина: «если бить, то кулаком, а не широко распростертыми пальцами»).

Рузскому, конечно, было хорошо известно настоящее положение вещей, так как штаб армии доносил ему постоянно. Всего лишь несколько дней перед тем просил Сиверс, как мы уже видели, помочь ему очистить от немцев Ласдененские леса — просьба, на которую Рузский не считал даже нужным ответить.

Такое, по меньшей мере странное, поведение Рузского можно разве только объяснить себе все той же *idée fixe*, о которой уже была речь выше, не говоря тут совершенно о полной бездарности, проявленной им на должности главнокомандующего фронтом, которую так наглядно показал он в эти и последующие дни. Рузскому, задумавшему вдруг повторить во что бы то ни стало план вторжения в В. Пруссию, который уже раз не удался его предшественнику Жилинскому, было в то время совсем нехвата какое-либо наступление немцев на этой части фронта, а поэтому он закрывал глаза на грозящую армии опасность и пытался внушить и Ставке Верховного, и командующему угрожаемой немцами армии, что это все — ничто иное как обыкновенная демонстрация противника, старающегося отвлечь внимание от фронта в Польше. Формирование же 12-й армии, совместно с которой наша 10-я должна была выполнить его *«idée fixe»* могло быть закончено только в марте. А до этого времени необходимо было Рузскому сохранить на восточно-прусском участке фронта *status quo*.

У изучающего деятельность Рузского в то время не раз возникает впечатление, что при некоторых его оперативных соображениях и планах противник совершенно не принимался им во внимание. Через все его мероприятия

красной нитью проходит предвзятость и упрямство относительно предполагаемых им намерений германского верховного командования. Так, например, решил он, что немцы поставили себе задачу овладеть западной частью Польши вплоть до Вислы и что для достижения этой своей цели направят они туда все свое военное напряжение, бросят туда все свои резервы. Что же касается Вост. Пруссии, то Рузский твердо решил, что, в то время, эта германская провинция не интересуется почему то их командование. Из этой его, предвзятой и ни на чем не основанной, концепции и возникло намерение овладеть Вост. Пруссией. Необходимо тут обратить внимание читателя на то, что этот его замысел ясно указывает на полное незнание Рузским ни истории Германии, ни психологии немцев, не говоря уже о полном его непонимании политики тогдашнего германского правительства.

Невольно возникает тут вопрос, почему именно на Рузского пал выбор Ставки как на преемника Жилинского на посту главнокомандующего армиями северо-западного фронта? Автор статьи, к сожалению, не располагает документальными данными по этому вопросу. В своей «Россия в Мировой Войне» генерал Данилов пишет о Рузском следующее: «Нового главнокомандующего армиями северо-западного фронта я знал хорошо и с давних времен... Спокойный, рассудительный... одаренный достаточно твердым характером — он имел все данные, чтобы быть хорошим, в современном смысле, военачальником... К сожалению, слабое здоровье ген. Рузского часто препятствовало полному проявлению его природных дарований».

Автор статьи лично не знал Рузского и о его деятельности как военачальника, может судить только по тем грубейшим, совершенно непростительным ошибкам и упущениям, о которых уже была речь выше и о которых будем еще говорить далее. Однако научное исследование 1-й Мировой войны на русском фронте позволяет ему составить некоторую гипотезу о том, почему выбор пал именно на Рузского.

Начало 1-й Мировой войны на нашем фронте ознаменовалось страшнейшей катастрофой, которая превзошла все самые мрачные опасения пессимистов — гибель 2-й армии в В. Пруссии и поспешный отход, принявший формы бегства 1-й армии почти что из-под Кеннигсберга за Неман. Ясное дело, что эти события вызвали огромный переполох в Ставке и прежде всего стало там ясным, что главнокомандующий армиями северо-западного фронта ген. Жилинский должен быть заменен другим генералом. Перед Ставкой возник чрезвычайно серьезный вопрос, кому доверить этот, такой ответственный, пост? Ставка все как-то не мог-

ла остановить свой выбор, а Жилинский, хотя и знал, что должен будет уйти, но пока все еще продолжал возглавлять жалкие остатки своего фронта.

Но вот вдруг счастье стало нам улыбаться. На юго-западном фронте начала вырисовываться победа над австрийцами, причем эта победа была достигнута главным образом корпусами и дивизиями наших 8-й и 3-й армий. Командующий 8-й армией ген. Брусилов, перед войной комкор XII-го, был обыкновенным строевым кавалерийским генералом, без академического образования. Тогда как 3-й армией командовал ген. штаба генерал Рузский, перед войной помощник командующего войсками Киевского Военного Округа. Из этих двух победодосных командующих, Рузский обладал двумя козырями, которые весьма ценились в русской армии — старшинство и Военная Академия! А тут, пока в Ставке кандидатура Рузского, которую несомненно поддерживал генерал-квартирмейстер Данилов, все еще не выкристаллизовалась окончательно, случилось так, что как раз 3-я армия захватила Львов и этой победой заглушила восточно-прусскую катастрофу. Так вот, мне кажется, что именно, это последнее обстоятельство толкнуло Ставку остановить свой выбор на Рузском. Это одна сторона медали. Что же касается другой, то тут личность Рузского представляется в менее розовом свете. Во-первых, в Манджурии он себя ничем не проявил, будучи всего лишь только статистом в качестве генерал-квартирмейстера одной из армий. Во-вторых, между войнами занимал он разные должности, как уже сказано выше, вплоть до помощника генерал-адъютанта Иванова во главе Киевского Военного Округа. Но и тут повторилось то же. В-третьих, если его 3-я армия побилла австрийцев и захватила Львов, то в этом отнюдь не заслуга Рузского, а исключительно прекраснейших корпусов Киевского Военного Округа (IX, X, XI, XII), составлявших его армию и которые своими боевыми качествами далеко превосходили австро-венгерские войска.

Возвращаясь теперь к теме, нельзя обойти молчанием то, что командующий 10-й армией ген. Сиверс; (между прочим — бывший подчиненный Рузского перед войной, в качестве командира X Арм. Корпуса, а также во время его Галицийских «побед») вполне сознавал опасность, которая грозила вверенной ему армии. Он видел и внутренне переживал то, по меньшей мере возмутительное, равнодушие, с каким Рузский относился к судьбе его армии. Однако не хватало ему гражданского мужества, чтобы воспротивиться этому и поискать пути для облегчения судьбы этой несчастной армии, толкаемой к гибели невежеством и упрям-

ством (которые Данилов называет «достаточно твердым характером») Рузского.

Необходимо упомянуть также, что как раз во время этой операции погода начала немилосердно шалить. Термометр скакал то вниз, то вверх. Попеременно сильные морозы, снежные бури и метели, творившие на дорогах непроходимые заносы, в друг заменялись полнейшей оттепелью со всеми последствиями и наоборот. Все это, конечно, крайне осложняло всякое передвижение войск, обозов и т. д. Некоторые русские исследователи этой операции стараются такой непогодой оправдать, отчасти, некоторые промахи нашего командования и войск. Но они совершенно упускают тут из виду то обстоятельство, что те же самые затруднения в передвижении имели также и наступающие германские войска, для которых, привыкших к другим дорогам и к организованной уборке таковых от снега, преодоление всех этих препятствий было, вероятно, гораздо тяжелее чем нашим. Упомянув вскользь этот фактор непогоды, не буду долгие останавливаться на нем.

Уже 26-го января с самого раннего утра стало определено ясно, что неприятель начал глубокий обход крупными силами правого фланга нашей 10-й армии. Первый удар был направлен на находившиеся при Ласдененских лесах части 56-й и 73-й пех. дивизий. Командарм III-го арм. корпуса ген. Епанчин, отдавая себе отчет в обстановке и назревающей для его «Вержболовской группы» опасности, наперекор приказанию Рузского и Сиверса, решил несколько оттянуть правофланговые части корпуса на тыловые позиции, что, вероятно, спасло их от полного окружения. Это решение было само по себе безусловно правильно. Однако, не для малобоеспособных, слабых, второочередных дивизий, какими были эти две. Для этих последних приказ об отходе на тыловые позиции оказался равнозначным сигналом для неудержимого отхода — «подальше от противника». Некоторые части более упорной 73-й пех. дивизии все же оказывали кое-какое сопротивление противнику, за что и пришлось им заплатить пленом. Части же 56-й пех. дивизии никакого сопротивления не оказывали и начали постепенно отходить на восток. Противник их не преследовал, так как его пути шли на юг, в тыл нашей 10-й армии.

Само собой разумеется, что если бы в составе Вержболовской группы, на правом фланге армии, оказались бы не эти две, никуда негодные в боевом отношении, дивизии, показавшие себя уже с начала войны с самой худшей стороны, а хорошие боевые дивизии вроде таковых III-го сибирского корпуса (на левом фланге армии), вся эта операция приняла бы для немцев совсем другой оборот. Такие две боевые дивизии, отведенные комкором заблаго-

временно из-под ударов с севера на эти тыловые позиции где нибудь впереди линии Ковно-Олита и прикрываемые от Козловорудских лесов конным отрядом под начальством приличного генерала, а не Леонтовича, наверное не откатились бы так легко за Неман, и оставались бы, во всяком случае, серьезной и постоянной угрозой для тыла двинувшейся на юг германской 10-й армии. В этом случае, германское командование вынуждено было бы выдвинуть против этих «боевых» дивизий заслон, не меньше чем корпус, ослабляя таким образом свою обходную колонну на целую ее треть. По всей вероятности, в этом случае такой глубокий обход нашей 10-й армии вообще не имел бы места. Но собака зарыта в том, что немцам хорошо было известно как расположение частей нашей армии, так и боевые качества каждой из последних. Они шли наверняка, беря вперед в расчет, что обе правофланговые русские второчередные дивизии III-го Арм. Корпуса или целиком сдадутся в плен при обнаружении ими угрозы с фланга, или же побегут — что тут и произошло.

В то время как большая часть Вержболовской группы пришла в движение и начала постепенно отходить к Неману, оголяя фланг нашей 10-й армии, Рузский дает 27 января по телеграфу приказание Сиверсу: «Для решительной атаки немецкой 10-й армии собрать в кратчайший срок возможно большее количество войск» и т. д. Конечно, бумага может выдержать каждое, самое невероятное, нелепое приказание. Но какой же смысл было давать в критический для армии момент такое совершенно нереальное и неосуществимое распоряжение? Ведь Рузский, уже в течение нескольких недель, непрерывно получал донесения и отлично знал, что армия не располагает абсолютно никакими резервами. Откуда Сиверс мог бы взять эти войска, если Рузский их ему не давал? Разве не было бы благоразумней и целесообразней вместо того, чтобы давать такие ничего не стоящие, абсурдные приказания, открытыми глазами взглянуть на сложившуюся по его вине обстановку и, напрягая свои мозги, припомнить хотя бы то, как учит поступать в подобном положении (в подобных условиях) военная наука? А в то время была еще возможность здравыми решениями и мероприятиями спасти армию от грозящей ей катастрофы. Между тем, большая часть войск Вержболовской группы отчасти уже в полном беспорядке, совершенно вырвавшись из рук своих начальников, стихийно отходила за Неман. Несмотря на это, ген. Сиверс передает Епанчину новое приказание Рузского: «Вержболовской группе не отходить».

Находившаяся на самом правом крыле кон-

ница ген. Леонтовича, без серьезного нажима со стороны противника, не удержалась на своем участке. В ночь 27/28 января покинула она свои позиции и в один переход отскочила сразу же верст на 75-80 к Гришка Буда, открыв противнику дороги на Владиславов, то есть в тыл задержавшихся еще частей Вержболовской группы и, вообще, всей армии. Благодаря этому немцам удалось захватить в плен отдыхавшие в Ширвинте части 73-й пех. дивизии.

Все вышеперечисленное должно было бы, наконец, открыть глаза Рузскому и Сиверсу, давая им понять, что наступила последняя пора отвести центр армии из ее выдвинутого теперь вперед положения на тыловые позиции. Однако и Рузский и Сиверс все еще ждали какого-то чуда. Одно за другим бессмысленные, совершенно не отвечающие обстановке, приказания исходили от них, вводя подчиненных им начальников в заблуждение.

28-го января, когда «Вержболовская группа» фактически перестала уже существовать как таковая в боевом отношении, а ее штабу было уже известно от воздушной разведки о приближении с севера четырех дивизионных неприятельских колонн, Рузский и Сиверс все еще пытались успокоить Епанчина, что это всего лишь только демонстрация немцев. Когда же, к 29-му января, и последние части «Вержболовской группы», которые до сих пор, кое-где еще держались, также пришли в полное расстройство и ушли за Неман, эта группа армии выпала теперь совершенно и окончательно «из игры», открыв не только фланг, но и тыл центра армии. Она никакого участия в этой операции до ее окончания уже больше не принимала. Неоспоримая же заслуга ген. Епанчина заключается в том, что, не обращая больше внимания на нереальные и совершенно абсурдные приказания свыше, он сумел во время вывести главную массу своих войск из-под охватывающих ударов противника. Он уже давно беспрепятственно и своевременно предупреждал и Сиверса и Рузского о грозящей армии опасности. На его тревожные донесения оба не обращали никакого внимания, а Рузский считал даже эти предостережения проявлением беспричинного малодушия. Если бы Епанчин не вывел во время свои дивизии из-под охватывающего движения численно и качественно превосходящих сил противника, он только увеличил бы еще больше число наших пленных, не будучи, все равно, в состоянии спасти XX Арм. Корпус от окружения.

В это время, ген. Леонтович, имевший в своем отряде от 30 до 36 эскадронов при, по крайней мере, 18-ти орудиях, безудержно отходил перед, всего лишь, германской сводной кавалерийской бригадой в составе 8-и эскадронов при

4-х орудиях. Он совершенно не сумел своим сильным, подвижным кавалерийским отрядом, состоящим из прекраснейших, испытанных в боях полков 1-й и 3-ей кавалерийских дивизий (последняя к тому же отлично знакомая с местностью, так как была расквартирована здесь перед войной) и конных батарей прикрыть фланг армии и разведать наступательные движения и силы неприятеля. Забыв возложенную на него задачу и, повидимому, окончательно потеряв голову, оторвавшись от противника и утратив всякую связь с высшими штабами и соседями, болтался он несколько суток подряд со своим отрядом без всякого толку и цели между отступающими частями «Вержболовской группы». В конце концов, этот его прекрасный боевой кавалерийский отряд очутился на правом берегу Немана, за Олитой, и таким образом он, так же как и вся «Вержболовская группа», перестал быть полезным для погибающей нашей 10-й армии. «История конницы — история ее начальников» — эта старая истина еще один раз оправдалась в данном случае. Этот, никуда негодный, начальник не сумел использовать большие возможности, открывавшиеся перед отличными полками 1-й и 3-ей кавалерийских дивизий и их конными батареями.

27-го января центр армии, XX Армейский корпус, в составе около четырех пехотных дивизий, продолжал, согласно категорическому приказанию Рузского, все еще стоять на своих первоначальных, далеко выдвинутых вперед, позициях. Это приказание Рузского было противно всем правилам тактики и против всякой логики. Раз «Вержболовская группа» начала уже свой отход, стараясь избежать окружения, было ясно, что противник будет теперь пытаться охватить с тылу центр армии. Раз ни фронт, ни армия не имели своих особых резервов для противодействия обходным движениям противника, оставалось всего лишь немедленно же отводить войска из-под охвата на тыловые позиции. В своем бессмысленном упрямстве Рузский все еще не хотел этого понять. Это верно, что против центра армии противник оставался совершенно пассивен. Но именно этот факт должен был бы еще больше обратить внимание Рузского на намерения противника. Однако ни сам Рузский, ни его ближайшие помощники как будто все еще не хотели понять, куда метят немцы. События развивались с невероятной быстротой далее, как это было описано выше, а центр армии все еще продолжал стоять на своих позициях.

Только 29-го января, когда вся «Вержболовская группа» находилась уже за Неманом, Рузский, потеряв напрасно и просто преступно более 48-ми часов, разрешил наконец XX Арм.

Корпусу начать отход на восток. Но было уже слишком поздно. К этому времени германская 10-я армия закончила свое захождение левым плечом и теперь всеми своими шестью дивизиями быстро и неудержимо шла фронтом с севера на юг, то есть перпендикулярно к путям, которыми четыре дивизии нашего XX-го Арм. Корпуса должны были бы начать свой запоздалый отход.

Произошло то, что Рузскому, как офицеру Генерального Штаба, должно было бы быть понятным уже 26-го января, — само собой разумеется, конечно, только при условии трезвой оценки сложившейся обстановки и при полном и окончательном отказе от его совершенно нереальной, химерной «idée fixe», о которой говорилось выше. Уже хотя бы только при сравнении отдаления от Немана центра нашей 10-й армии и германских обходных колонн, должно было бы стать ясным, в какой страшной опасности находился наш XX Арм. Корпус. Однако, повидимому, ни в штабе армии, ни в штабе фронта мысль о таком сравнении не приходила даже никому в голову.

Начав свой отход, имея над флангом и тылом стремящиеся в разрез направления его отступления несколько параллельных крупных колонн противника, центр нашей 10-й армии XX Арм. Корпус вынужден был отклониться к юго-востоку от своих коммуникационных линий.

Это просто парадоксально, что своими переполненными продовольственными магазинами, покинутыми Двадцатым Арм. Корпусом на его коммуникационных путях, (от которых, как мы видели выше, должен был он уклониться южнее,) попавшими в руки немцев, мы сами развязали последним проблему продовольствия их обходных колонн. Вот как свидетельствует об этом германская официальная история войны: «если бы не русские продовольственные магазины, с их громаднейшими запасами продовольствия, обуви и т. п., попавшими нам в руки в полном порядке, вряд ли смогла бы наша 10-ая армия, при царившем тогда полнейшем бездорожье выполнить возложенную на ее войска задачу и окружить русский XX Арм. Корпус».

Из того, каким темпом продвигались на юг колонны противника и сравнивая расстояния по карте, нетрудно было догадаться, что немцы стремились прежде всего перерезать самый южный путь отступления XX Арм. Корпуса к Неману (Сувалки—Сеймы—Друскеники).

XX Арм. Корпус имел, быть может, еще возможность отойти за р. Бобр, при условии безостановочного движения в этом направлении. Однако, не имея соответствующих указаний

от командующего армией, Булгаков, командир XX-го Арм. Корпуса, на такой самостоятельный шаг решиться не мог. К тому же, связь со штабом армии оказалась прерванной уже с момента, когда XX Арм. Корпус должен был уклониться от предписанной ему приказом по армии коммуникационной линии, и уже до самого конца операции не была больше восстановлена.

То обстоятельство, как была организована техническая связь отдельных групп со штабом армии, дает еще одно неоспоримое доказательство того, что наше высшее командование не допускало даже мысли о возможности отхода нашей 10-й армии из Вост. Пруссии. С момента отклонения отходящих войск от первоначально установленного сообщения с запада на восток и обратно — с востока на запад, всякая техническая связь между тыловыми и штабом армии обрывалась. Тут нельзя без возмущения обойти молчанием того, просто поразительного, равнодушия, с каким штаб фронта и штаб армии не проявил даже минимума инициативы, чтобы эту прерванную связь восстановить наново каким-нибудь иным способом.

Таким образом XX-ый Арм. Корпус, уже вскоре после того как он начал свой отход из Вост. Пруссии, оказался совершенно оторванным от штаба армии и изолированным. Конечно, трудно сказать, много ли он потерял на этом? Возможно, что беспорядочные и нереальные приказания из штаба фронта, которые штаб армии, по своему обыкновенно, непрерывно передавал бы в штаб центральной группы армии, внесли бы, быть может, еще больше путаницы и расстройств в руководстве отступающими четырьмя дивизиями XX Арм. Корпуса.

Центр армии оказался также лишенным какой-либо помощи со стороны кавалерийского отряда, бежавшего, как мы видели, за Неман. Если бы он не бежал в самом начале германского наступления, а установил бы, после отхода «Вержболовской группы», связь с штабом XX Арм. Корпуса, то мог бы оказать, вероятно, очень большую помощь XX Арм. Корпусу, хотя бы только снабжением последнего, так важными для него, сведениями о движении окружающих его неприятельских колонн, а также помогая наладить утраченную связь со штабом и с соседями. Но для этого, во главе этого конного отряда должен был бы стоять настоящий кавалерийский начальник, безусловно храбрый и с личной инициативой, что у Леонтовича совершенно отсутствовало.

Но XX-му Арм. Корпусу, повидимому, суждено было совершать свой, слишком запоздалый по вине Рузского, отход в полном неведении того, что происходит в других группах армии и что вообще творится кругом. Не располагал он ни-

какими разведывательными или осведомительными органами. Две третьеочередных казачьих сотни, входившие в его состав, были слишком малочисленны и не на высоте, чтобы выполнять подобные задания.

1-го февраля дивизии XX-го Арм. Корпуса были уже в непосредственном боевом столкновении с подошедшим с севера противником. Своими развернутыми полудугой к северу и северо-западу от Сувалок дивизиями, корпус занял позицию против 10-й германской армии. На счастье, неприятель не напирал, так как утомленные большими форсированными переходами, в чрезвычайно тяжелых дорожных условиях, его молодые еще дивизии получили возможность передохнуть, пока левофланговый, XXI Арм. корпус их армии продолжал свое движение на юг, глубоко охватывая таким образом наш XX Арм. Корпус, теперь с востока. Тут, в расположенном в г. Сувалки штабе корпуса, от прискакавших со стороны Сейн обозных, стало вдруг известным, что немцы уже захватили этот городок, отрезая таким образом намеченный командиром корпуса путь отхода всех четырех дивизий северней Августовских лесов, через Сейны, к Неману и Друскеникам.

Командир корпуса ген. Булгаков, не отдавая себе все еще отчета в том, что необходимо ему как можно скорее оторваться от противника и без задержки уходить, имел все же еще столько здравого рассудка, чтобы не исполнить последнее, полученное перед окончательным разрывом связи, приказание командующего Армией Сиверса — перейти всеми своими дивизиями в контр-наступление. Он приказал своему корпусу в ночь на 2-ое февраля начать отход в юго-восточном направлении, надеясь еще занять перед противником сильную, отлично оборудованную Сопецкинскую позицию впереди Гродно, чтобы на этой позиции оказать решительное сопротивление немцам.

Во исполнение этого приказа командира корпуса, корпус вытянулся всеми своими четырьмя дивизиями в одну колонну и, скверной узкой лесной дорогой, двинулся в гущу Августовских лесов.

Однако уже вскоре стало известным, что и Сопецкинская позиция уже занята немцами. Но, вместо того чтобы попытаться еще проскочить за Бобр, Булгаков продолжал движение на Гродно в расчете, что Сиверс, при помощи резервов Рузского, отобьет эту позицию у противника и таким образом, дорога на Гродно будет ему открыта. Однако это не произошло. Измученный тяжелыми переходами, кровавыми попытками вырваться из окружения, голодный, расстрелявший все свои снаряды и патроны, несчастный XX Арм. Корпус, окруженный

со всех сторон тесным кольцом противника, 8-го февраля вынужден был сложить оружие и стал добычей немцев.

Не моя задача описывать тут героическую, безнадежную, шестидневную (от 2-го до 8-го февраля) борьбу за свободу этого несчастного, покинутого Рузским и Сиверсом на произвол судьбы, отличного, заслуженного уже в предыдущих операциях и боях, славного боевого XX Арм. Корпуса.

Согласно данным официальной германской истории той войны, добыча немцев, подсчитанная к 9-му февраля, составляла 92.000 пленных, в этом числе 9 генералов, 295 орудий, более 170 пулеметов и т. д.

Посмотрим же теперь, что вообще было предпринято, что сделано и с какими результатами, чтобы спасти 10-ю армию, в особенности же XX Арм. Корпус, а также чтобы вырвать последний из железного германского окружения.

Как мы уже видели выше, германская 10-я армия не преследовала «Вержболовскую группу» и конницу Леонтовича, откатившихся поспешно за Неман. Она зашла левым плечом на юг и шестью параллельными дивизионными колоннами двинулись во фланг и тыл начавшего с сильным опозданием свой отход нашего XX Арм. Корпуса. Немцы так хорошо отдавали себе отчет в том, в каком состоянии бежала за Неман «Вержболовская группа», что первоначально не считали даже нужным прикрывать свое движение на юг, со стороны Немана. Однако, считаясь с возможностью, что в штабе русского северо-западного фронта найдется, может быть, какая-нибудь свежая голова, которая учтет рискованность движения германской 10-ой армии на юг, параллельно Неману, и добьется того, что от Ковно или Олиты произведен будет русскими удар свежими войсками по тылам этой армии, германское командование все же решило выдвинуть на восток несколько заслонов-«пробок», запирающих главные пути, идущие от Немана на запад. Для этого были предназначены ими 16-я ландверная бригада. Однако эти незначительные германские дорожные заслоны-«пробки» на протяжении 100-110 верст от Немана (к западу от Ковно) до северного края Августовских лесов, были слишком слабы и не были бы в состоянии задержать сильный русский кулак, бьющий по тылам германской 10-й армии. Известный военный авторитет, германский генерал Макс Гоффманн, который в то время занимал должность 1-го офицера Генерального Штаба (по нашему — генерал-квартирмейстера) штаба Гинденбурга, пишет об этом следующее в своих воспоминаниях: «Для прикрытия фланга (германской 10-ой армии) с востока против Олиты и Ков-

но нужны были очень большие силы, которых, на самом деле, у нас не было».

Если бы русское командование захотело понять это, для него такое выгодное, подставленное немцами своего фланга и тыла и предприняло соответствующий контр-удар со стороны Немана, немцы вынуждены были бы оттянуть к угрожаемым участкам некоторые из своих дивизий, предназначенных для окружения XX-го Арм. Корпуса, а этим окружение, а потом и пленение последнего стало бы проблематичным. Конечно, с русской стороны, для этого нужны были бы свежие, хорошие войска, а не III Арм. Корпус «Вержболовской группы», который после бегства был еще совершенно расстроен, деморализован и разбросан на пространстве вдоль правого берега Немана между Олитой и Ковно, так что в то время его, вообще слабый, коэффициент равнялся нулю.

Однако, в штабе фронта, эта такая простая оперативная возможность, повидимому, не была понята, несмотря на то, что в то время в резерве Рузского находился II Арм. Корпус, а в распоряжении Ставки были даже 4 1/2 отборнейших дивизий (гвардейский корпус и только что прибывший с Дальнего Востока, еще совершенно свежий, не тронутый IV Сибирский корпус). Да кроме того, в районе Гомеля, заканчивал свое восстановление XIII Арм. Корпус (погибший в армии Самсонова). Казалось бы: что таким обр. русское командование имело в своем распоряжении достаточно войск, чтобы от Олиты или Ковно ударить по немецким тылам, так дерзко подставляемых ими на протяжении 120 верст (от Ковно до Сопотчинской позиции) и этим вырвать из их рук эту назревающую, еще одну новую победу, все над тем же бездарным нашим командованием, проигрывавшим одну операцию за другой. Но все вышеупомянутые, достаточно сильные для такой попытки резервы были предназначены все для той же химерной «idée fixe» Рузского — для наступления из Северной Польши в пределы Вост. Пруссии, находившейся еще только в стадии формирования, 12-й армии. Позволю себе напомнить читателю, что наступление предполагалось совместными действиями 12-ой и 10-й армий и в Ставке его энергично поддерживал ген. Данилов. То же обстоятельство, что с момента отхода нашей 10-й армии из Восточной Пруссии, эта «idée fixe» утратила уже всякий смысл, кажется не было еще в достаточной мере понято Рузским и его окружением. Во всяком случае, во имя этой своей химерной фантазии он потерял XX Арм. Корпус.

Ровно 14 дней длилась эта операция немцев, начиная от перехода их в наступление из Ласдененских лесов, вплоть до пленения нашего XX Арм. Корпуса. В течение этих двух недель

нашим командованием абсолютно ничего не было предпринято существенного для спасения 10-й армии, для выручки погибавших в Августовских лесах четырех дивизий. Наоборот, как это мы видели выше, не желая понять в своем невежестве и упрямстве что назревает для этой нашей армии, Рузский и его сотрудники бессознательно толкали ее к гибели.

Не говоря о том, что упомянутая выше возможность удара по немецким тылам была совершенно упущена нашим командованием, не нашло оно даже нужным (скорей, вероятно, просто не поняло необходимости) занять до немцев Сопоткинскую позицию, что, может быть, позволило бы еще прорваться XX-му Арм. Корпусу на Гродно.

Только тогда, когда уже все попытки этого несчастного XX-го Корпуса разорвать немецкое кольцо, тесно охватившее его со всех сторон, и вырваться на свободу окончились полной неудачей, только тогда, когда он, наконец, вынужден был положить оружие, начались вдруг со стороны Гродно и Друскеник попытки притти ему на помощь. Части II-го и IV-го Арм. Корпусов сделали несколько скромных разрозненных попыток (как бы для очистки совести) прорваться к окруженным дивизиям XX-го Арм. Корпуса. Но германские войска выполнили уже свою задачу — XX-й Арм. Корпус сложил оружие. Повернувшись на 180 градусов, немцы образовали новый фронт против медленно и осторожно, ощупью продвигающихся от Немана русских «освободительных» попыток. Эти последние были совершенно не координированы и выказали так мало охоты прит-

ти своим на помощь, что немцам не стоило большого усилия их остановить.

Невольно возникает тут вопрос — не было ли все вышеописанное изменой? Мне лично кажется, что нет.

Истинные причины следует искать в показавшей себя, уже с первых дней войны, полной несостоятельности большинства высших начальников нашей армии.

Однако в этой статье не место заниматься исследованием этого вопроса, тем более, что главные виновники этой новой германской победы и гибели нашего XX-го Арм. Корпуса, мне кажется, достаточно ясно обрисованы выше во главе с Рузским с его оперативным невежеством, непониманием складывающейся обстановки и просто безграничным упрямством. Интересно, что, несмотря на то, что вина его, кажется, в этом случае была совершенно неоспорима, ни его положение, как главнокомандующего Северо-Западным фронтом, ни его авторитет, как военачальника, несколько не поколебались, и он продолжал занимать эту должность еще два года, вплоть до революции!

Чтобы успокоить армию и общественное мнение, потрясенные этим новым поражением, кто-то должен был ответить за эту, уже слишком наглядную, катастрофу. И тут, так же как после Лодзинской операции, за все ошибки и промахи Рузского, должен был заплатить Ренненкампф, отрешенный от командования I-й армией, так и тут козлом отпущения был сделан слишком послушный Рузскому командующий 10-й армией ген. Сиверс.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Некоторые, русские исследователи этой операции из советского лагеря, считают, что удалась она немцам только отчасти, так как не смогли они окружить и взять в плен всю нашу 10-ю армию.

Такая точка зрения не только ошибочна, но даже, уже в своей основе, совершенно неправильна, так же как и некоторые утверждения об огромном численном превосходстве немцев в этой операции.

Немцев интересовало не столько окружение и пленение всей нашей 10-й армии сколько отсечение от русских Восточной Пруссии и отгеснение их на русскую территорию как можно дальше, чтобы предотвратить этим предполагаемое Рузским новое наступление совместно с формирующейся в северной Польше 12-ой армией.

В дальнейшем же имели они в виду продолжать свое наступление с целью занятия Гродно-

Белостокского района, перерезывая нам таким образом, стратегически чрезвычайно важную, железно-дорожную артерию Петербург-Вильно-Варшава.

Первая часть операции удалась им вполне. Что же касается второй, — то к этому времени в районе Гродно-Бобр-Осовец были стянуты русским Верховным Командованием значительные силы, что и заставило немецкое командование отказаться от этой части задания.

Утверждение о численном превосходстве немцев также неправильно, так как, наоборот, численность 8-й и 10-й германских армий, вместе взятых, уступала даже численности нашей 10-й армии на всем протяжении ее фронта. Наша 10-я армия имела перед началом германского наступления, как известно, 11 дивизий каждой 16-батальонного состава, то есть 176 батальонов. В то время как находящаяся против нее германская 8-я армия имела всего лишь 6

пех. дивизий 12-батальонного состава, то есть 72 батальона. После же ее усиления 40-м германским корпусом и формирования новой 10-й германской армии, германские силы против нашей 10-й армии увеличились на 8 дивизий по 12 батальонов каждая, то есть на 96 батальонов. Таким образом общая численность обеих германских армий равнялась теперь 168 батальонам, то есть на 8 батальонов меньше, чем наша 10-я армия. Превосходство артиллерии с германской стороны, в данном случае, подавляющей роли не играло, так как во время обходных и охватывающих движений артиллерия, без соответствующих пехотных сил, не в состоянии проявить в необходимой мере это свое численное превосходство. Каким образом могли бы 8-я и 10-я германские армии окружить своими 168-ю батальонами — 176 батальонов нашей 10-й армии?

Как мы видели выше, зная чрезвычайно скверный состав пехоты «Вержболовской группы», в особенности, полную небоеспособность 56-й пех дивизии, немцы мало-мальски серьезного сопротивления тут не ожидали.

Что касается левого фланга нашей 10-й армии, то здесь они, повидимому, даже не имели серьезного намерения охватывать, так как предоставленные для этого их силы были уже слишком слабы — 40-й корпус, усиленный находившейся тут уже раньше 2-ой пех. дивизией. Это верно, что наша 57-я, находящаяся не самом левом фланге, дивизия убежала в Осовец. Но вместо нее натолкнулись здесь немцы на наш III-й Сибирский корпус, который их остановил. Во время развивавшихся тут боевых действий этот последний не только сам вышел из опасности быть окруженным, но даже способствовал благополучному отходу за р. Бобр соседнего с ним справа XXVI-го Арм. Корпуса.

Что же касается центральной группы нашей 10-й армии, то есть XX-го Арм. Корпуса, то и она благополучно вышла бы из грозившего ей после отхода за Неман «Вержболовской группы» опасности быть окруженной, если бы Рузский только захотел правильно оценить создавшуюся обстановку и не препятствовали бы ее своевременному отходу. Все окончилось бы тогда сравнительно благополучно с той только разницей, что пришлось бы нам теперь окончательно расстаться с Восточной Пруссией, а фронт нашей армии проходил бы теперь по Неману или даже, может быть, где-нибудь западнее его. Но для этого во главе этой нашей армии должны были быть не Рузские и Бонч-Бруевичи, не Сиверс, Булгаков и Леонтович, а генералы, понимающие кое-что в маневрировании войсками на войне.

Если призадуматься над всей этой операцией, приведшей к окружению и гибели нашего XX-го Арм. Корпуса, то, принимая во внимание последовательные мероприятия и решения наших генералов, невольно кажется она нам от самого начала до ее трагического конца как бы классическим примером того, как не следует поступать, чтобы самым верным и скорым способом не погубить свою собственную армию.

В. Кочубей

РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Данилов: «Россия в Мировой войне», Берлин, 1924.
2. Он же: «Великий Князь Николай Николаевич», Париж, 1930.
3. Головин: «Из истории Кампании 1914 г.», Париж.
4. Незнамов: «Стратегический очерк войны 1914-18», Москва, 1922.
5. Каменский: «Гибель XX-го Арм. К.», Ленинград, 1921.
6. Хольмсен: «Мировая война», Париж 1935.
7. Успенский: «На войне», Каунас, 1932.
8. Грибов: «Новороссийские драгуны».
9. «Сумские Гусары 1651-1951», Буэнос-Айрес, 1954.
10. Сергеевский: «Пережитое», Белград, 1933.
11. Многочисленные показания участников.

НЕМЕЦКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Reichsarchiv: «Der Weltkrieg 1914/18». Band 5. und Dd. 7.
2. General Max Hoffmann: «Aufzeichnungen», Berlin, 1929.
3. Von Redern: «Die Winterschlacht in Mazuren», Oldeburg, 1918.
4. Agricola (Bauermeister): «Als ich im Stabe Hindenburgs war», Lübeck, 1934.
5. Hans Moller: «Fritz von Below», General d. Infanterie, Berlin, 1939 (биография Комкора XXI А. К.).
6. Hans Moller: «Albert von Berrer» (Das Lebensbild eines im Weltkrieg gefallenen deutschen Generalis), Berlin 1941 (биография Начдива 31).
7. General Karl Litzmann: «Lebensaufzeichnungen», Berlin, 1927/28.
8. Regimentsgeschichten einzelner Regimenter des XXI, A. K., der XXXVIII., XXXIX. und XL. res. A. K., der 1. Kav. Div., der 16. Landv. Div., der 5. Grde-Brigade usw.
9. General Feldmarschall von Eichhorn (Командарм 10-й германской). Личные разговоры с фельдмаршалом автора статьи в Киеве летом 1918 г. (Тогда фельдмаршал Эйхгорн был командующим германскими войсками на Украине).